

ЖЕНЯ ОЗЁРНАЯ

ПРИЗРАЧНАЯ

Хроники исчезания. Дневник воплощения

*Я воплощусь снова,
чтобы прожить
земную жизнь
вместе с тобой*

Женя Озёрная

**Призрачная. Повесть
об анорексии**

«Автор»

2026

Озёрная Ж.

Призрачная. Повесть об анорексии / Ж. Озёрная — «Автор», 2026

Автобиографическая повесть об анорексии. История о том, как человек годами отказывается от еды, личных границ и самого себя, чтобы выжить в мире, где быть замеченным по-настоящему страшнее, чем исчезнуть. Восстановиться можно: через страх, стыд, разрушенные отношения и медленное принятие того, что ты имеешь право существовать, даже если никто не просит тебя появляться. Эта повесть: — Для тех, кто чувствует себя ненастоящим, но не знает, как это назвать; — Для тех, кто годами слышал: "Ты слишком чувствительный/ая" и поверил, что чувствовать — это ошибка; — Для тех, кто боится ошибаться; — Для тех, кого поход в кафе пугает больше, чем несущийся на них грузовик; — Для тех, кто хочет узнать, каково это — так жить; — Для тех, кто боится, что он один так живёт; — Для тех, кто думает, что анорексия — это только худоба и отказ от еды; — Для тех, кому трудно отличить заботу от контроля; — Для тех, кто уже устал всё контролировать и быть сильным; — Для всех хороших девочек и славных парней.

© Озёрная Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вместо предисловия. О ужас, я человек!	6
Часть 1. Хроники исчезания	13
Глава 1. Быть, но лишь иногда	13
Глава 2. Каменная хватка	20
Глава 3. Лёгкость, которая давит	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Женя Озёрная

Призрачная. Повесть об анорексии

Все имена, кроме трёх, изменены. Все совпадения неслучайны.

Посвящается второму главному герою:

*я воплощусь снова, чтобы прожить
земную жизнь вместе с тобой.*

Вместо предисловия. О ужас, я человек!

20 апреля 2025 года, из Дневника воплощения

У меня есть плохая новость: в свои двадцать девять лет при росте метр шестьдесят пять я вешу около сорока килограммов — меньше, чем весила в тринадцать. Но есть и хорошая: это уже больше, чем полгода назад. У меня анорексия.

Мир зыбкий, а еда пресная — другой попросту нет. После семи лет борьбы, из которых два года с лишним ушло на психотерапию, я уже не хочу худеть. Вижу сны о том, что набрала вес и чувствую себя хорошо. Во снах я счастлива, а после пробуждения возмущаюсь: как я могла не ценить здоровое тело и сотворить с ним такое? А потом грущу, потому что до здоровья ещё долго, и стараюсь не думать о том, что могу его не вернуть.

Мой ИМТ лишь недавно перевалил за 14 вверх. В нынешнем теле внутренним органам неуютно. Я радуюсь, когда ем что-нибудь давно забытое и могу переварить. Сильно радуюсь, когда удаётся не отступить и этот продукт остаётся в рационе дольше, чем на месяц.

Обхват моей талии меньше, чем обхват головы, и я боюсь опять увидеть на весах цифру ниже сорока. Ещё сильнее боюсь узнать результаты анализов и посмотреть в лицо врачам.

Менструации — это праздник.

Я лет шесть не ела шоколада и ещё много-много чего. И столько же не была в кафе.

Лет десять назад, принеся к компьютеру громадную тарелку с бутербродами и пролистав список выпусков очередного ток-шоу, я наткнулась на историю девушки с анорексией, а просмотрев, подумала: уж со мной-то этого никогда не произойдёт. Я ведь так люблю есть.

Но это произошло.

Как вы думаете, хорошо или плохо, что обо всём этом почти никто не знает?

* * *

Знает об этом лишь семья, да и то не вся: кого-то не хочется расстраивать, а кого-то провоцировать на советы или критику. Я живу наедине с любимым человеком в посёлке и не вижу почти никого из знакомых в реальности. Приспособиться к жизни в таком положении помогло наследие ковида: я работаю литературным редактором журнала и беру заказы на фрилансе.

Работа здорово спасает от чувства безысходности, потому что помогает взять себя в руки и делать реальные шаги, чтобы увидеть результат. Спасает и творчество: два месяца назад я закончила второй личный роман, а прошлым летом часть ещё одного, соавторского. Именно за творчество, как барон Мюнхгаузен за косичку, я и хочу вытянуть себя из болота. Я планировала очень-очень много реальных шагов.

В настоящей борьбе за здоровье их делать гораздо труднее, тут всё кажется игрушечным. Я не могу понять, где концы у большого клубка проблем, и за последние четыре года, с тех пор как испарилась моя первая шаткая ремиссия, потеряла больше трети веса, а вдобавок к тому лучшую, самую питательную часть рациона. Со временем аппетит перестали провоцировать даже нейролептики, при приёме которых вроде бы должно тянуть на еду.

С таблетками от психиатра я познакомилась восемь лет назад, в первый депрессивный эпизод из тяжёлых и неизвестно какой по счёту в целом. Именно тот эпизод подтолкнул анорексию: я впервые провалилась так глубоко и потеряла интерес не только к еде, а к жизни вообще.

С годами мне поставили диагноз биполярное расстройство — тогда лечение пошло более гладко и принесло успехи. Теперь большую часть времени я провожу в умеренной или средней депрессии, которая изредка сменяется чересчур активным состоянием, гипоманией, а потому

способна на всё, чего обычно требует от человека общество. Вот только интерес к еде так и не вернулся.

Карл Густав Юнг писал: «Депрессия подобна даме в чёрном. Если она пришла, не гони её прочь, а пригласи к столу, как гостью, и послушай то, о чём она намерена сказать». Я, не в силах выйти из перфекционистского ража, когда-то не послушала депрессию. Она ненадолго отступила, чтобы потом прийти в новой форме, и принесла с собой ещё более страшные дары.

Я сохранила функциональность, но отказалась от того, чтобы себя замечать. Стала ко всему равнодушной. Кажется, будто сижу на уроке жизни, и звонок уже прозвенел, а учитель всё никак не закончит. А ведь он ещё домашку задаст... Хочется сказать: ну можно я уже пойду, а? Так пройдёт вся жизнь, а другой не завезут.

Думать об этом было бы совсем больно, прочувствовать по-настоящему — ещё больнее. Поэтому ты не думаешь и, упаси господь, не чувствуешь чем дальше, тем усерднее. Растворяешься — понемногу становишься призраком.

* * *

Я и вправду, наверное, почти призрак, и не только потому, что меня не видит никто из знакомых. Любимый человек жалуется на то же. Большую часть времени я провожу лёжа: сидеть дольше получаса больно, да и голова кружится. Редактирую и пишу я тоже в постели, и постель эта выглядит так себе: на ней свалены вещи, которые могут скоро понадобиться. Рядом часто стоят бутылки с водой: в депрессивных эпизодах трудно встать даже для того, чтобы попить. Радует то, что на самой глубине я обычно провожу лишь несколько часов, а потом могу подняться. Могу, но не особенно хочу.

Здесь как в детстве — встаю через не хочу. С едой так же. Я давно уже не худею специально и ем три или четыре раза в день по режиму. Ввести такой режим мне посоветовали на заре той первой шаткой ремиссии. Тогда суть была в том, чтобы дать организму понять: еда есть и будет дальше, и её никто не собирается отнимать. Организм согласился с тем, чтобы есть регулярно, но в попытках ограничить себя пошёл другим путём. Взял пример с той хитрой депрессии.

Так уменьшались порции и сужался рацион, и в результате я два года прожила на шестистах-семистах калориях в день, принимая от пяти не очень сытных продуктов в худшие времена до десяти в лучшие. Лучшие времена настали сейчас, когда я перевалила за тысячу калорий в день и набираю по килограмму в месяц, но мне по-прежнему стыдно подробно описывать то, что я ем, даже психиатрам и клиническим психологам.

С годами конструкция моей анорексии приобретает всё более и более уродливый вид и окружается разными пристройками. Режим питания тоже стал одной из них и превратился в ритуал. Кажется, что умереть от истощения менее страшно, и я продолжаю потакать ритуалам, лишь изредка переступая через себя. Тогда приходит временное облегчение, а потом возвращается привычный страх.

Ритуалами обвешано всё. Я покупаю продукты одних и тех же марок, тщательно проверяю качество, отказываюсь от еды, если что-то идёт не так, и ковыряюсь в мусорке, если не успела посмотреть срок годности. Ещё раз посмотреть срок годности. Ещё раз. И ещё раз. Ты думала, что можно просто взять и поверить своим глазам? Сфотографируй и смотри на фото, пока ешь, но не забудь и за едой следить. Не так может быть что угодно, вплоть до крошечного пятнышка на овоще, если оно почудится подозрительным.

Я не посещаю застолья, не хожу в кафе и рестораны — да что там, за одним столом с кем-нибудь не ела уже лет пять. Длительные путешествия поэтому же не вариант. Любая смена обстановки, даже поездка в город, минимальный стресс — сразу же откат. Приехала в гости к маме — потеряла один приём пищи в день и четверть рациона. Затошнило от какого-нибудь продукта — значит, в следующий раз мы с ним увидимся не скоро. Если это случается,

я стараюсь преодолеть страх хотя бы на сегодня и надеюсь, что потом капельки решимости сольются в большое море. С этим морем внутри я смогу есть всё, везде и всегда.

Анорексия бывает ограничительная и очистительная. У меня первая. Я ни разу не чистилась, мне всегда было проще не есть совсем, контролируя всё. Говорят, что в расстройствах пищевого поведения важнее всего не еда, а контроль. Думаю, есть в этом доля правды. Контролировать себя у меня получается так же хорошо, как я хотела бы есть. У меня даже профессия контролирующая. Хорошо бы этот контроль запретить только там, в редакции, и больше никуда его не пускать. Ну вот, опять контролирую!

Помыв пол, я с трудом останавливаю себя, чтобы не поползти по нему с влажной салфеткой. Купив красивый блокнот, с тоской откладываю его в стопочку таких же красивых и неначатых. В диалоге молчу, потому что стыдно ошибиться. Пошутить хоть сколько-нибудь глупо тоже стыдно. Стыдно говорить, что слушаешь музыку, в которой собеседник разбирается лучше: вдруг он что-нибудь о ней спросит? Отказаться от дополнительной работы неудобно. Заболеть и отлежаться пару дней — значит подвести всех. Есть я, а есть нормальные люди, все остальные. После достижения нужно поставить новую планку. Прогресс — это не прогресс, если можно быстрее.

Позавчера я начала писать роман, а сегодня, как и вчера, проснулась и поняла, что опять не написала его. Он же должен весь сойтись тут же. С едой так же, и если нет идеального состояния, лучше не пробовать. А идеального состояния в принципе не существует.

* * *

Лет десять-пятнадцать назад, когда анорексию считали модной многие подростки в соц-сетях, они радовались лёгкости. Сначала, может, и так. Но запущенная анорексия — это уже не лёгкость. Это, наоборот, тяжесть, одышка и боль в суставах вряд ли слабее, чем при ожирении. Сейчас, на восьмой год болезни, в двадцать девять лет, мне трудно пройти больше чем километр, и я не знаю, исчезнет ли когда-нибудь этот специфический эффект.

Физиологических специфических эффектов анорексия предоставляет полный набор. Желаящие, ловите ещё: слабость и замедленный пульс, синяки где ни попадя, сухость кожи и выпадение волос, ранняя седина, проблемы с пищеварением, отсутствие менструаций, потеря либидо... Больше всего боюсь, что выпадут зубы, и после того, как поставила шесть коронок, напряжённо наблюдаю. В университетские годы моя однокурсница столкнулась с расстройством пищевого поведения и потеряла передний зуб. Я часто вижу такое в страшных снах.

* * *

А ещё во снах я ем. Колбасу огромными кусками. Крабовые палочки, которые очень любила в детстве. Всякие сумасшедшие бургеры. Да вообще с ума сойти сколько много, много булок. Я даю себе волю только во снах и ем там в столовых, на фудкортах, на вокзалах и улицах. Может, так мозг обрабатывает страхи?

Жаль, что сюжет нередко заканчивается глупо. Сегодня опять снилась прогулка в городе. Я решила, что надо поесть. Долго выбирала тот самый ларёк в длинной очереди, не могла найти ничего путного и наконец определилась. А там... очередь, куда встать не получилось. Задавили меня два огромных мужика, которые тоже хотели бургеров. Так и проснулась.

* * *

Даже без телесных специфических эффектов мне трудно задумываться об этом теле и понимать, что я порой вынуждена существовать как человек. Лучше не вспоминать об этом мясном мешке, о том, что у меня есть скелет, мышцы, кровь и не только, что в животе у меня двигается полупереваренная еда. Что слюнные железы производят слюну, а печень выделяет желчь. Что в

любой момент в этой сложной системе может произойти сбой, и бывают случаи, когда человек бессилен.

Это само по себе мерзко, но ещё более невыносимо то, что это нельзя поставить на паузу, как фильм, и нельзя захлопнуть, как книгу. Точнее, можно, но тогда будет ещё страшнее тебе — а особенно другим. Другие, как и ты, подписаны на жизнь без спроса. Одни из этих других, родители, вроде бы сами подписали тебя на неё — но их точно так же подписали на жизнь прежние другие, как и десятки поколений до того. Как ты собой распорядишься?

Другие, кстати, часто кажутся милыми и притягательными, хотя они той же природы, что и я. Мне нравятся разные люди — высокие и низкие, худые, спортивные и толстые (не вижу ничего плохого в этом слове, как не вижу ничего плохого в полноте), красоту можно найти в ком угодно. Только не во мне. Думая о себе, я боюсь и одновременно хочу снять с себя кожу, вывернуться наизнанку вместе со внутренностями и исчезнуть. Не оставить больше ни единого физического следа в этом мире. Ненавижу это тело... только иногда.

Иногда, наоборот, восхищаюсь тем, как мудро оно устроено. Иногда жалею за то, что оно многого недополучает, но всё равно держится. Как только я смею так его истязать? Оно носит меня по жизни, позволяет чувствовать мир, общаться с людьми, работать и заниматься творчеством. Когда я смогу перестать вести себя так?

Наверное, когда что-то внутри меня научится вести себя по-другому. Представляю, как это произойдёт, и не особенно верю. Может, начать с притворства?

* * *

А пока в этом теле слишком тяжело быть, и я стараюсь о нём не задумываться. Поставить его на автопилот и замечать лишь в крайних случаях, когда оно не может без моей слезки... нет, помощи. Когда ему больно, когда оно, истощённое, выходит из себя.

Всё остальное время я провожу в эмоциональном и физическом онемении. Давно уже не чувствую настоящего голода и могу часами терпеть жажду, если чем-нибудь занята или не нахожу сил встать. Не помню, когда в последний раз пила обезболивающее или ещё какие-нибудь таблетки, кроме психиатрических, даже если было нужно.

Еду, да и сам факт того, что я ем, тоже хочется скрыть. Идя домой с пакетом из магазина, я чувствую себя низким и слабым существом. В городе, устав выдерживать эти чувства, заказываю доставку и отмечаю в приложении, чтобы курьер оставил заказ у двери. Не могу поделиться с ним ни взглядом, ни добрым словом. Мерещится, будто он меня осуждает за то, что в пакете есть еда, тем более такая убогая и неполноценная, всё время одинаковая. Купила бы хоть мяса, что ли. Сборщики тоже наверняка осуждают — не хочу, чтобы они мне звонили, пусть лучше уберут товар, если его не окажется в наличии.

В работе я тоже стараюсь быть как можно более незаметной. Пока коллеги перебрасываются шутками в чате, я передаю текст дальше по цепочке, тегнув кого нужно, и молчу. Делаю так, чтобы результат заметили, а меня нет. Самый однообразный сотрудник, на аватарках которого старые фотографии в приемлемом для общества весе, картинки или вовсе пустота.

Когда я всё-таки высываюсь — в чатах или реальных разговорах, да что там, даже в собственном блоге, преследует чувство, что меня слишком много и нужно срочно засунуться обратно. Такие длинные тексты позволяет писать только понимание, что они вряд ли когда-нибудь станут особенно популярными.

Ведь литературное творчество — ещё один путь для тех, кто привык быть незаметным. Многие, начиная показывать своё творчество широкому кругу, боятся хейта, не подозревая, что придётся переплыть огромное море молчания. В этом море я привычный ко всему и хорошо ориентирующийся дельфин. Безвестность — это не страшно. Страшнее замеченность — кем угодно, самим собой тоже.

Незаметность привычна и пронизывает собой всё. Я давно не была в отпуске. Давно не была у врачей, кроме психиатров, хотя стоило бы. Давно разучилась плакать наружу — все слёзы стекают в горло. Давно не носила открытую одежду даже летом, когда хорошо бы подставить кожу солнцу и лёгкому ветерку. Отговариваюсь тем, что скрываю псориаз, хотя были времена, когда его не стеснялась.

Дело в том, что я объективно слишком худая. Болезненно худая — об этом говорят цифры, дряблая кожа, синяки под глазами и скелетированные глазницы. Спрячу-ка я хотя бы руки и ноги, ведь анорексию действительно стоит скрывать. Втайне думаю, что это болезнь слабых, вот почему так трудно признать, что я столкнулась именно с ней. Мои подписчики узнали об этом только сегодня, хотя я часто пишу о личном. Чудилось, что в ответ на такое известие меня забросают виртуальными помидорами и назовут симулянткой, ведь я недостаточно худая, что бы ни показывали весы и сантиметр. Пока ты здесь, всегда можно быть ещё чуточку более худой. Иначе это слишком никак. Не считается.

Я сама как человек, похоже, не считаюсь. Есть просто тело и набор неких случайных реакций на окружающий мир, не более того. На разных фотографиях, где меня поймали в кадр, разные люди, а на снимках из детства — та, кто не имеет отношения к происходящему. А та, кого по случайности занесло в это тело, просто притворяется. Играет роли профессиональные, семейные, творческие. Люди видят, думая, что это аутентичное, а я единственная из всех не вижу ничего.

Кроме просто тела в зеркале. Это тело, устав жить так, неслышанным, без связи с душой, однажды перестаёт хотеть. Но хотеть очень хочет. Очень хочет верить, что это возможно.

Даже сейчас, печатая эти слова, я не верю, что всё по-настоящему. С недавних пор я много говорю устно и часто ловлю себя на том, что использую выражение «на самом деле» как слово-паразит, не придавая ему особенного смысла. Будто пытаюсь убедить себя в том, что всё по-настоящему. И не верю. Не верю, что на самом деле живу.

* * *

Бывают времена, когда я ненадолго прихожу в чувство. У меня есть всё, что есть у остальных, в некоторых аспектах даже больше, а я своему телу многое недодаю. Хотя оно мне не враг, а раб, хотя лучше было бы союзником, и пытается выстоять несмотря ни на что. Оно всеми силами всасывает питательные вещества из того скудного пайка, который я ему определяю, и продолжает работать.

Не знаю, как прекратить его мучить. Каждый проблеск чувств быстро затухает, и возвращается онемение. Кажется, меня давно уже нет, и дела хуже некуда. Казалось так и несколько нет назад — но с годами это ощущение усугубляется. Представляю, к чему всё идёт.

Восемь лет назад, впервые обращаясь за помощью к психиатру, я всерьёз и не думала о том, что могу потерпеть поражение. Была уверена, что в любой момент, если пойму, что близка к точке невозврата, тут же остановлюсь. Но случилось не так, и, вероятно, точка невозврата уже пройдена.

Теперь есть три исхода. Только последний из них подразумевает жизнь — с ним я по крайней мере могу смириться. Другие два мне не очень нравятся.

Первый исход — смерть от отказа органов. Иногда я убеждаю себя, что если это и будет, то не скоро. А иногда в тех самых проблесках чувств и закономерных приступах паники думаю о том, что тело страдает прямо сейчас и я могу умереть в любой момент.

Второй исход — суицид. О нём стараюсь молчать, чтобы никого не испугать и не расстроить, но думаю каждый день. Я не хочу умирать. Хочу жить, но иначе. Понять, как устроить это «иначе», совсем непросто. Вот почему на втором году болезни, сама не понимая происходящего, я за бесценок продавала, а то и вовсе раздавала вещи, разрывала связи и сбрасывала с себя обязательства, мчась ко второму исходу. Не видела будущего так же, как и себя саму.

Хорошо, что тогда нашлись люди, которые меня всё-таки увидели. Благодаря им стало ясно: я буду бороться до самого конца. Шансы ещё есть.

Третий исход, на который статистика отводит около пятидесяти процентов, — долгий и нудный путь к ремиссии. Её затем придётся оберегать всю оставшуюся жизнь, ведь третий исход со звёздочкой — всё-таки рецидив.

* * *

Дочь маминой подруги — это я. Внешний круг общения считает меня успешным человеком, умницей-отличницей, и всегда считал. А я боюсь, что дымка рассеется, они узнают, как я на самом деле живу, и отвернутся. Скажут: «Слабая ты, и мы всегда об этом знали. Тьфу». Так что поворачиваюсь и рассказываю обо всём первой.

Пока только потому, что другого выхода не вижу. Скрываться — значит стыдиться, стыдиться — значит скрываться ещё усерднее. Изолироваться, всё глубже и глубже прячась от остального мира, лишая себя шансов на лучший исход.

Беру дело в свои руки и готовлюсь окунуться в жгучий стыд существования контролируемо — я же люблю контроль. Пора признать, что часть его я давно уже потеряла, отвернувшись от проблемы и от себя в ней. Пора повернуться обратно, свести на нет это глупое предательство и дать место честным мыслям об анорексии. Рассказать о том, как я исчезла, и тем самым воплотиться заново.

Я не обещаю выздоровления и не клянусь, что справлюсь, но сделаю всё, что возможно. Соберу как могу остатки расплывающейся жизни. Дневников и переписок совсем мало из-за привычки уничтожать их. Постараюсь верить, что всё это было, вынести нужные уроки и тоже остаться существовать.

Может, я не выползу, и этот текст так и будет разрозненными заметками в гугл-доках. Как бы там ни было, я подарю себе хотя бы процесс и часть результата. Вдруг благодаря им кто-то другой вовремя остановится в том, чтобы вредить себе, а кто-то просто почувствует, что он не одинок. Тогда я останусь существовать на чуточку больше.

Я не жду, пока выйду в ремиссию, чтобы писать. Пусть вместе со мной здесь останутся и ошибки мышления, на которые я теперь, стыдясь и всё-таки анализируя, смотрю свысока. «Слишком глупый поступок, можно было лучше», — думаю так, будто могла стать умнее и говорить сейчас эту фразу, если бы не та юношеская придурь.

Оставлять финал неопределённым или грустным охоты нет, а для счастливого стоит потрудиться — не выдумывать же его, в конце концов? Так что работа рискует затянуться надолго, и пусть этот текст во всех смыслах слова вырастет вместе со мной.

Пусть у меня ещё будет шанс вернуться в тело и обрадоваться этому.

* * *

Началось всё, конечно же, не с еды. Анорексия и другие расстройства пищевого поведения, как ни странно, начинаются не с еды, а с отношений с собой и миром. Трудно просто так взять и решить, что ты больше не хочешь поддерживать существование своего тела едой. Не хватит для этого и одного чьего-то неосторожного слова.

Нужна система мышления, которая не возникает в одночасье. В момент, когда она даёт о себе знать, уже непонятно, как что-либо изменить. Остаётся только проследить, как она формировалась, до самых корней, и надеяться, что ты всё-таки найдёшь нужный способ. Пора выявить эту систему.

Пытаясь отыскать корни своей анорексии, вызвать в памяти ощущения прошлого, я пересматриваю фотографии из раннего детства и вижу на них пухлую темноглазую девочку. Как ни стараюсь, не могу соотнести её с собой, осознать, что пальцами, запечатлёнными там, сейчас набираю эти строки.

Хотелось бы мне просмотреть старые записи, свои первые стихи и повести, подростковые дневники. Переписки школьных и университетских лет, фотографии того времени, первые небольшие, на несколько десятков человек, блоги. Сейчас их почти не осталось. Каждый раз, начиная новый период, я удаляла всё, что успевала удалить из прошлого, а теперь жалею. Жизнь до двадцати двух лет, а кое-где и позже, как узкая тропинка, которая то выходит на солнце, то затянута туманами. Было ли это всё вообще — или это тоже, как и я сама, призрачное?

Жизнь расползается под пальцами, как старая ветошь, но я буду писать как могу.

Часть 1. Хроники исчезания

Глава 1. Быть, но лишь иногда

1995–2013

В двадцать девять лет, получив от психотерапии всё, чего хотелось, я как-то раз заговорила с мамой о детстве. Без претензий, о фактах. Вспомнила о напряжении, с которым живу всю жизнь, и стала размышлять о том, откуда оно взялось. Сказала привычное: ну это вы, родители, меня так воспитали.

Мама ответила, что меня невозможно было воспитать. Это я воспитывала. Она имела в виду характер: каждый раз, когда маленькая Женя намечала что-нибудь для себя или, наоборот, взялась отрицать, трудно было сбить её с пути. Не буду спорить с маминым видением. Сейчас я уверена: она дала мне лучшее из того, что могла.

Однажды, ещё до трёх лет, я отказалась есть то, что считала в детстве гадостью, и вместо желанных мультиков перед сном меня положили в кровать. Я трогала её железные прутья рукой и наблюдала за тем, как спокойно лежат родители перед телевизором с этими самыми мультиками, смотрят их и разговаривают. Так, будто меня нет. Невыносимое испытание для двухлетки — настолько, что весь мир вокруг заходится в крике, а затем, истощившись, потухает, пока не выбросит меня в новую вспышку.

В комнате темнота, только слабый свет фонарей проползает из окон. Я зависла под самым потолком, смотрю на себя же, лежащую в кроватке, и очень хочу вернуться в тело. Кажется, у меня есть ещё одно, в котором я сейчас, но им ещё труднее управлять, чем данным мне наяву. Я вообще не вижу своих рук и не могу снизиться, как бы ни пыталась. Не могу закричать и разбудить маму и папу. Получается лишь задыхаться и дёргаться, пугаясь отсутствия отклика от тугой и серой реальности. Что, если меня теперь в самом деле нет?

Не помню, что было наутро, но раз я пишу этот текст, я проснулась и ещё много раз просыпалась в себе. Жаль, что не всегда удавалось сохранить себя днём. С раннего детства я исчезала всякий раз, когда мир вокруг виделся слишком громким, большим, обидным или многолюдным. Пусть тело и оставалось на виду у других и меня самой, меня в те моменты больше не было.

Было только ощущение, что я вообще никогда не жила и в ту самую минуту по чьей-то странной придумке вброшена в жизнь. Этот кто-то, решив облегчить задачу, послал в голову всё, что мне нужно знать, от имён и дат до наименований мест. И вот я знаю, где и с кем сижу, но чувствую себя так, будто здесь впервые. Интересно, почему вода пьётся, кто впервые задумал строить дома с углами и с каких пор я именно в этом причудливом объекте, который называют телом?

Я назвала это ощущение «забыла как жить» и пыталась выпросить, что это такое, у мамы. Она отвечала, что я просто задумалась, а то и вовсе переводила разговор на что-нибудь другое. Это плохо — решила я, погрузила о том, что меня не поняли, и сделала это своей маленькой неконтролируемой тайной.

* * *

Это всё же было не плохо. Вместе со мной в моменты исчезания растворялись любая боль, страх и неловкость. Не будешь жить — не почувствуешь. Не разочаруешься. Будучи заметной, останешься незаметной.

Заметной я, как назло, стала ещё до школы. Быстрее многих научилась читать и писать, чем заслужила любовь воспитательницы из детского сада, стремившейся развивать детей как можно раньше. Моими навыками часто восхищались взрослые, а я не успевала гордиться — хотела всё больше и больше. Казалось, только так будет яснее и спокойнее. Детсадовский психолог советовала маме обратить внимание на мою тревожность, а мама, как стало понятно двадцатью годами позже, сама была крайне испугана.

Пока помощь не приходила, я пыталась приспособиться к заметности. Учительница в начальной школе, объясняя, что такое многозначные слова, привела пример: «Женя — первая ученица класса», имея в виду не фамилию. Я густо покраснела... но и рада была оказаться выбранной. «Женя — как солдатик, быстрая и чёткая, — продолжила учительница. — Не тратит ни одной лишней секунды». Раз так сказали — значит, теперь нужно соответствовать, — подумала я и ощутила, как руки становятся чужими. Приготовилась маскироваться. Будучи здесь, не быть собой и оставаться в этом неузнанной, ведь так безопаснее. Ведь так никто не сможет возразить, что Женя не первая.

* * *

Быть лучшей тогда казалось единственным вариантом. Для этого нужно было стать сильной и раз за разом преодолевать себя в любой момент своей жизни. Если у тебя что-то не получается — иди и сделай это. Если у тебя есть склонности, следовать им — слишком простой путь; лучше шлифовать до идеала то, что тебе не дано. Если ты к чему-то привязался — отдай это другому. Если ты не чувствуешь боли и надрыва прямо сейчас — значит, ты живёшь слишком легко. Живя так, ты становишься слабым, а быть слабым — стыдно.

В школьные годы это больше всего проявлялось в оценках — первых для меня цифрах, которые хотелось контролировать.

Как-то раз во втором классе одна из учениц сорвала урок музыки, и двойки получили все. Я выбежала из школы, увидела ждущую меня маму и со смехом рассказала ей про первую в жизни двойку. Это было совсем не страшно, даже весело — всегда ведь старалась на уроках, а тут такое, да ещё не по моей вине, — пока я не увидела мамин взгляд. Радость быстро потухла до следующего дня: тогда я не подготовила пересказ к уроку чтения и получила ещё одну двойку. Это развеселило ещё больше — и ещё страшнее был мамин взгляд. Теперь я была замечена и выбрана не как лучшая и первая, а как недостаточная.

Чтобы от этого избавиться, следовало учиться на отлично. И если текущие оценки шли длинной чередой и четвёрки, даже случайные тройки быстро забывались, прятались в гряде пятёрок, то четвертные оценки окрашивали чувством недостаточности всю следующую четверть. Одна-две таких четвёрки по нелюбимой математике или физкультуре казались большим провалом. Идя домой после их объявления, я не радовалась скорым каникулам, а думала о том, что будет дальше. Хотелось расслабиться и повеселиться, но не получалось.

В четвёртом классе я решила на психологический трюк и приучила себя к пессимизму. Готовься к худшему — и если оно случится, ты воспримешь это как норму. Если всё же выйдет лучше, ты порадуешься. На деле же я перестала радоваться вовсе. Хорошее было больше не сюрпризом, даже не нормой — оно стало недостаточным. Призрачная планка быстро убегала вверх, едва я к ней приближалась. То, что ещё вчера казалось вершиной, завтра превращалось в небольшую ступеньку, а послезавтра рассыпалось под ногами пылью, когда появлялась новая вершина, которая тоже скоро рассыплется.

Мне уже не нужно было стать первой, мне нужно было не переставать ей быть. И это определяли цифры — не только оценки в журнале, но и места на олимпиадах. Единственное в жизни второе место в школьной олимпиаде по русскому я ещё лет десять с лишним считала провалом на общем сияющем фоне.

* * *

Пытаясь быть сильными, мы с мамой, наверное, бежали от беспомощности. Отец запил ещё до моего рождения, но меня это коснулось в детском саду. Помню поздние вечера, когда мама ждала его и не выключала свет в комнате. Мы сидели молча и поглядывали на часы — их ажурные стрелки так врезались в глаза, что через двадцать лет проникли в мой первый законченный роман.

«Папа может, папа может всё, что угодно», — пели песню в школе на уроках музыки, и я думала не о хорошем. Человек, с детства казавшийся большим и сильным, на моих глазах терял над собой контроль. Обещал бросить пить и не мог. «Ты где?» — чуть ли не срываясь, выдыхала мама в трубку, и по реакции на ответ становилось ясно, что отец не понимает, где он. Я боялась, что он потеряется, что его, лежащего на дороге, переедет машина. Когда придёт — тоже боялась, но и ненавидела, и жалела разом.

Снова и снова он поздно приползал домой. Сладковато-горький запах алкоголя, а затем и рвоты витал по всей квартире. Я пряталась под одеялом, затыкала уши, чтобы не слышать, как отцу плохо, и с тех пор боялась рвоты — она отбрасывала в то самое состояние беспомощности.

Наутро отец смотрел виновато. «Ну зачем это всё?» — хотелось спросить мне, и я молчала, понимая, что это будет бессмысленно. В последний раз — надеялась я. И каждый раз, пока не родился брат, надежда не оправдывалась.

Вот бы сына, наследника — задолго до этого шутили в семье, и отец добавлял, что ради такого он бросит пить и курить. Я и здесь оказалась недостаточной.

* * *

Казалось, родители видят оценки, но не меня. Любить безусловно умели животные, особенно Алиса — уличная кошка, которую отец принёс с работы, чтобы её не разорвали сторожевые псы. Я верила, что трёхцветные кошки приносят счастье. Алиса и была счастьем, пушистым тёплым комочком. Она мурлыкала рядом под одеялом каждый раз, когда мне было особенно грустно, как бы чувствовала это.

«Если ты к чему-то привязался — отдай это другому», — гласило одно из семейных правил, и когда пришло время ехать в деревню к бабушке, мы взяли Алису с собой. Там держать кошек в доме было не принято, и с большим неудовольствием бабушка согласилась пускать её внутрь хотя бы на ночь. Всё остальное время я следила за Алисой — и, учитывая количество щелей в заборе и под ним, не справлялась.

В кошмарных снах, да и наяву Алиса ускользала на улицу и бежала по своим кошачьим делам, но потом, на следующий день или через несколько дней, возвращалась. Однажды она не вернулась. Я ходила по селу и звала её, спрашивала у тех, кто только мог видеть. Увидев на перекрёстке белое пятнышко, срывалась и бежала, чтобы затем понять, что это была не Алиса, или не застать там никого.

Приехав из города, отец пообещал помочь. Мы долго ходили по селу вместе и звали её. Отец смотрел всё грустнее и грустнее, пока не сообщил, что он видел: Алиса погибла.

Мне было девять. Весь следующий год я рыдала, смотря фильмы и читая книги о животных, которые по какой-то причине оказались разлучены с хозяевами, а потом во что бы то ни стало находили их. Вдруг это была не Алиса? Я где угодно готова была различить, как мелькает вдалеке белое пятнышко, но Алиса не возвращалась. Она пришла только во сне и дала знать, что устала от моих слёз — а вернуться всё равно не сможет.

Приехав в деревню год спустя, я написала Алисе письмо и отпустила её. Взамен Алисы пришло новое счастье — творчество. Вместить в себя всё, не перестав существовать, можно было только так — начав существовать в другом мире. Этот мир мог создать или кто-нибудь за меня — я так любила читать книги из сельской библиотеки, — или я сама. Когда первое приелось, быстро затянуло второе.

Улучив минутку, я устраивалась за письменным столом, или на скамейке в саду, или на заднем сиденье машины, пока заняты взрослые; открывала тетрадку, или ежедневник, или за неимением лучшего двойной лист — и плела на бумаге мир из чернильной пасты. Пока не открывалась дверь из коридора, не звучал окрик или вопрос «и как тебе не скучно?», я была не здесь, но была собой как никогда ещё. Какая уж тут скука.

* * *

В двенадцать лет герои всё ещё верили мне безоговорочно, а вот я себе уже не очень. Мама с бабушкой лучше знали, что я чувствую. Знали, сколько и чего нужно есть и пить, тепло мне или холодно — так, будто я была роботом с индикаторами. Обжигающая вода проходила по разряду не горячей, и, садясь в ванну, я стискивала зубы. Желудок болел от объёмов попадающей в него жидкости, а от некоторой еды вроде жирной куриной шкурки приходилось давить рвотные позывы. Даже если и так, пусть невыносимо, преодолевай — это полезно. Слабой быть стыдно, а жить в комфорте слишком легко. Так у тебя всё равно никогда не будет, так не живёт никто.

Слыша это, я старалась быть сильной. Но любое проявление стойкости, направленное не на учёбу, родные встречали с неудовольствием, добавляя: «Кто ж тебя замуж такую возьмёт?». Мама смотрела на меня тем самым взглядом, который я со временем распознавала всё лучше и лучше: если на тебя направлен он, лучше проползти в свою комнату по стенке и не говорить ни слова. В тринадцать я стала выше, чем мама, и перестала бояться её рук — тогда в дело вступил отец.

Ещё мама знала: ребёнок не должен болтаться без дела, в скуке. Любой час свободного времени нужно обязательно занять — тем, что у тебя получается плохо. Само собой, чтобы подтянуть. Так меня, неуклюжую и отсутствующую, занесло на танцы. Напоминая об осанке, тренера тыкали пальцем в спину; сажая на шпагат, наваливались сверху или давили откинутую вверх ногу к стене; а тело опять и опять становилось чужим.

Это не мешало помнить движения ни на тренировках, ни на сцене. Теперь забытье стало другом и помощником, особенно при публичных выступлениях — и на школьных конференциях тоже. Смотря в зрительный зал на конкурсе талантов, я не видела чужих взглядов, хотя, может, они были не менее опасны, чем тот самый мамин. Меня окутывала пелена, защищающая от них. Если я не существую — я в безопасности. Кого-то из одноклассников рассмешил мой неуклюжий танец. Над кем он смеётся? Меня просто нет. Я вообще не жила, и об этом никто никогда не знал.

* * *

В тринадцать лет, перейдя в параллельный класс, я познакомилась с другой новой ученицей — Софьей. Мы быстро сдружились из-за общих интересов, ведь обе любили сочинять истории. Писали и в соавторстве, и по отдельности. Я тогда взялась за свою наивную фантастическую повесть про мэрисюшную героиню, которой на самом деле хотела быть.

Эту стройную рыжеволосую красотку звали Джулия. Она умела играть на гитаре, что никак не удавалось мне, и просто жила в уединении, наслаждаясь комфортом и исполняя мечты. А потом вдруг решила — действительно, почему бы и нет? — пойти за очередной мечтой и отправиться к другим планетам.

Странствуя по разным мирам, Джулия нашла один, ставший ей особенно милым. Его обитатели, бесплотные сгустки светлой энергии, общались при помощи телепатии. В конце концов Джулия признала их совершенство, отказалась от тела и прошла процедуру развоплощения, перейдя в совсем иную жизнь. Звучит комично? Или уже тревожно?..

Тогда до сгустка светлой энергии мне было далеко. Подростковый возраст брал своё — меня всё больше тянуло к тёмным сторонам жизни. Отец, просматривая историю браузера,

нашёл там следы моего интереса к истории человеческих пыток. Мама читала мой дневник и плакала, увидев в нём сгоряча написанное «ненавижу», интересовалась переписками в соцсетях, особенно матерными. Я осваивала искусство укрывательства и притворства, которое ещё не раз пригодилось, но оно помогало мало.

Скоро последовала программа родительского контроля. Родители говорили, что она в любой случайный момент делает скриншот экрана и отправляет им — так они всё видят и знают. Чтобы не оставить на компьютере даже случайных следов чего-нибудь предосудительного, я шла в гости к Софье и играла там в невинных «Симс». Даже у неё чудилось, что за мной наблюдают.

С Софьей мы никогда это не обсуждали — просто дружили и делали то, что считали приятным. Гуляли, болтали, обменивались черновиками и по выходным ходили друг другу в гости на обед. Я доверяла ей до тех пор, пока, вернувшись в свою комнату после мытья рук, не застала Софью над тетрадкой, которую пока не следовало брать. Мы потом долго общались, но в тот день беззаботная дружба окрасилась злобой — я отняла у Софьи тетрадку и изорвала её в клочки. То же случилось и с личными дневниками, о которых ещё не раз, ругая подростковую горячность, приходилось жалеть.

* * *

Тогда же, в тринадцать, я посмотрела фильм «Земляне» и решила стать вегетарианкой. Эта идея висела в воздухе уже года три — с тех пор, как родился брат и меня начали приучать к хозяйству. Чтобы контролировать качество работы, мама завела специальную тетрадку по домоводству и выставляла в неё оценки: за уборку, за глажку, за приготовленный суп.

С супом возникли проблемы — взяв в руки кусок сырого мяса, я тут же уронила его от осознания того, что это кусок чьего-то мёртвого тела. Это был кто-то, кто жил и чувствовал так же, как мы все. И я была к этому причастна. И бабушка, забивающая кур и кроликов в деревне, тоже.

В десять я преодолела себя, приготовила суп и съела его, стараясь не думать. В тринадцать, уже будучи ростом выше мамы и не рискуя получить за отказ подзатыльник, сказала, что больше не могу.

В ответ в меня полетела еда. Стало только хуже: этот кто-то умер зря, чтобы оставить своим телом жирное пятно на обеденном столе и улететь в мусорку. Ещё я поняла: мама не отступит и не потерпит такой блажи. Плача, я ела яичницу, и потом, уже в комнате, условилась с собой, что буду терпеть и ждать. А думать и чувствовать, кого именно ем, не буду.

* * *

Я-подросток, сама того боясь, презирала маму. Казалось, она-то, да и бабушка тоже, уж всё чувствуют и наслаждаются едой. Даже чересчур — не в силах остановиться. Не контролируя себя и свой вес, переваливая за сотню.

Мама не раз худела, но срывалась, и всё возвращалось на круги своя. Бабушка свысока смотрела на людей в обычном весе, таких как я. Слабые они и тщедушные, едят мало. «Желудок у тебя ссохнет, если дальше так есть будешь», — комментировала она мой нормальный рацион.

Я же в ответ считала слабой саму бабушку. Она часто ела то, от чего ей потом было плохо, и вызывала рвоту. Фраза «пойти что ль вырвать» до сих пор звучит в ушах — слыша её на отдыхе в деревне, я или затыкала уши, или сбегала из дома, зная, что вернусь не скоро. Бабушке было плохо так же, как отцу. Только не от алкоголя, а от еды. Но она почему-то не могла остановиться.

Я дала себе слово, что никогда не стану такой, и очень скоро начала такой становиться. Растущее тело, где оставалось всё меньше моих чувств, всё больше и больше требовало еды.

К шестнадцати годам я была голодной почти постоянно и в любой приём пищи стремилась урвать лишний кусок. Даже того самого мяса, от которого ещё недавно так хотела отказаться.

Мясное в семейных ужинах готовилось под расчёт. Больше всего — отцу, как мужчине. На втором месте — шестилетний брат, тоже мужчина, хоть и маленький. Третье место делили мы с мамой. Если на ужин были котлеты, мы получали по одной. Я на котлеты молилась — в них не чувствовались мышечные волокна, напоминающие, кого именно мы едим.

После ужина я, не наевшись, начинала таскать печенье и пряники, не в силах остановиться так же, как мама и бабушка. Понимала: лучше всё-таки мясо — и пыталась стянуть побольше, слыша «женщинам побольше нужно салатика». Спешила положить себе порцию раньше всех и съесть, чтобы не оставить места для споров, и получила шуточную кличку «Женя полторы котлеты».

Полторы — это ещё не две, но уже не одна.

* * *

С детства я привыкла переставать быть собой. Это длилось минуты и быстро заканчивалось. К шестнадцати я заметила, что на месяцы будто бы погружаюсь в мутную воду, всё глубже и глубже.

Так проще выдерживать то, что происходит. Не трястись от того, что видишь каждый день. Не бояться себя в будущем, где станешь жить, ненавидя тех, с кого потом всё равно возьмёшь пример.

Это верным образом забирает боль, страх и неловкость, но забирает и всё остальное. Истинное тепло луча света, скользящего утром по твоему лицу. Гордость от заслуженной пятёрки. Понимание того, что человек в зеркале — это ты, и ты реальна, а не играешь в мрачном кино. Даже желание писать истории из себя выскребаясь по старой памяти, суёшь себе под нос старые тексты — это же ты писала, чувствуй. Ты путаешь день с ночью и голод с сытостью, притворство с радостью, любимых с вынужденными, а сон с жизнью. Путаешь себя с никем.

Однажды это становится невыносимо, и ты начинаешь бить себя по телу, по голове, берёшься за острые предметы, лишь бы встряхнуться, понять, что существуешь в этом теле, что оно реально и чувствует боль. А потом не можешь остановиться, ведь это бесполезно, и мутная вода всегда возвращается.

Остановиться получилось только тогда, когда одна из учительниц, увидев порез, накричала на меня при всех. Зная, что можно обратиться за помощью, я цепенела перед этим и дошла до родителей месяц на третий. Попросила сходить со мной к психиатру, к психологу, к кому угодно, только бы это кончилось.

В ответ я узнала, что в нашей семье никогда не было тех, у кого проблемы с психикой, и описанное существует только в интернете. В интернете же, где подобное называлось деперсонализацией и дереализацией, врач посоветовал прийти на очную консультацию.

Я, погрузившись ещё глубже в мутную воду, не пошла... и скоро сама собой вынырнула до следующего погружения. Видела чудные сны, где что-то звало за собой, заставляя разгадывать. В них я всегда была с кем-то, но никогда не видела его лица, как бы ни старалась. Посмотрев туда однажды, увидела вместо лица чёрную пустоту.

* * *

Когда мне было четырнадцать, а затем шестнадцать, мы с родителями ездили на море. Село Сукко рядом с Анапой было гораздо тише, чем сам город, и чудилось в нём что-то временное. За два года с четырнадцати до шестнадцати изменилась я, но осталась прежней одноимённая посёлку гора, так же стремились разлечься на берегу тёплые волны. И всё же это была *другая* вода — чистая в каждой своей капельке, она оставалась на губах освежающей

солью. Хотелось бы мне поехать в Сукко ещё раз теперь, если только экологическая ситуация станет лучше.

В шестнадцать лет я увидела там на пляже девушку с анорексией. Её, тяжело идущую по гальке, под руку заводил в воду кто-то из родных. Я, вырвавшись из оцепенения, смотрела на это и не могла отвести глаз. Это было так страшно, но так притягательно. Словно знаешь, что в этом человеке есть частичка будущей тебя, но так этого не хочешь. И не хочешь сейчас сама смотреть так безотрывно. Хочешь сделать что-то, чтобы так больше не было, но ты совсем не в силах — потому что сама катишься, катишься...

Теперь, полжизни спустя, хочется попросить прощения за свой взгляд у той незнакомки. А ещё узнать: может ли она тоже вернуться в Сукко? Не обязательно приехать. Смогла ли она, да и мы все, вернуться в состояние «до», вернуть телу жизнь, чтобы делать обычное, человеческое — греться на солнце и купаться в море или в реке? Мне сейчас не понадобилась бы чужая рука, чтобы зайти в воду — всё уже не так плохо. Я рада сама протянуть кому-нибудь руку и протягиваю её сейчас.

Потому что думаю: если тело не дошло до критической точки, вернуться всё-таки можно. Мама же стала другой, и это не про еду, не про вес и не про тело. Она развелась с отцом, красит волосы в разные цвета и путешествует в отпуске. От стресса, как и я, прячется в работу и худеет. Жаль, что я всё ещё не знаю, какое у неё любимое блюдо.

Теперь, в мои почти тридцать, мы общаемся как взрослый человек со взрослым человеком, и я понимаю: она сама не избежала многого из того, что чувствую я. Просто не знала, как это называется и что можно по-другому. А когда узнала — просто сочла эту мысль непривычной. Решила не пробовать обращаться за помощью и справиться своими силами. Кажется, она справляется.

Я же увязла в проблемах намного прочнее, чем мама. Жаль, что нельзя безболезненно развоплотиться, как Джулия, став сгустком светлой энергии. Да и на гитаре играть я до сих пор не умею.

Глава 2. Каменная хватка

2013–2016

В школе я привыкла быть первой и от этого устала. Фото на доске почёта, привычная фраза «датыжотличница», звучащая даже тогда, когда ты нарочно зарабатываешь себе вторую четвёрку в аттестат. Медаль серебряная только потому, что в выпуске нет золотых медалистов — пятёрки учительница по физике не ставила в принципе.

Поступив в вуз, я сознательно решила стать незаметной. Слиться с толпой, не светиться, учиться так, чтобы дали стипендию как хорошистке. Но на горе своё я поступила на филфак Воронежского госуниверситета — туда меня тянуло с седьмого класса.

Молчать на парах поначалу выходило. Потом за меня, как и за других молчунов, взялась преподавательница древнерусской литературы. Задавала вопросы прицельно, за отсутствие ответов ставила минусы. Получая минус в журнал, я чувствовала то, что давно хотела забыть — и забыть больше не могла. Отвечала на вопросы на следующем занятии и получала в конце ещё один вопрос: «Почему молчишь, если всё знаешь?»

Теперь родителям не были интересны мои оценки, зато они всё ещё были интересны мне. И я собиралась с этим покончить. «Ладно, текущие результаты ничего не значат, — думала я. — Всё решит сессия». Сессии мы и ждали.

Дождавшись, я не стала особенно готовиться.

Первым был экзамен по истории, которую поступившие на филфак сдавали на ЕГЭ. Это не помешало мне разволноваться, назвать Ивана III Иваном V, получить ещё один вопрос «почему молчала на семинарах?» — и досадное отлично в зачётку.

Вторым было введение в языкознание, оно мне попросту нравилось. Я втайне мечтала попасть на соответствующую кафедру. Готовиться было не нужно. Отлично.

Третьей была великая и ужасная древнерусская литература. Я не потрудилась добить весь список для чтения, особенно Галицко-Волынскую летопись — на ней сыпались все. И именно она попала в билет. Преподавательница, решив помочь, отправила меня в читальный зал прямо из экзаменационной аудитории... Отлично. Но зачем?

Четвёртый экзамен — введение в литературоведение. Не видя другого выхода, я выучила всё, что следовало. Беру экзаменационный билет и вижу вопрос, которого не было в списке заранее. Не подаю виду и иду за парту готовиться. Расписываю первый вопрос подробно, для второго набрасываю предположительные четыре строки. Вызывают — без запинки отвечаю первый и не моргнув глазом начинаю второй. «Вас даже не завалишь, так не интересно...» Отлично.

Другого выхода на пятом экзамене по русской литературе XVIII века я не увидела.

* * *

Готовясь к пятому экзамену, я почувствовала, что кожа за ушами и на шее покрывается красными шелушащимися пятнами, и на каникулах отправилась в кожно-венерологический диспансер. Взяв соскоб, сотрудницы долго шептались, пока я сидела за дверью и ждала вердикта. Потом пожилой врач сказал, что это псориаз.

Затягивать лечение не стоило, и меня отправили в дневной стационар. Врач говорил, что если сразу взяться за здоровье, выйти в ремиссию, можно надолго об этом забыть. А ещё советовал не принимать близко к сердцу учёбу и, прости господи, любовь.

Шёпот за спиной и сочувствующие взгляды встретили меня и в семье. Мама ещё до похода к врачу тревожно гуглила и угадала диагноз заранее. Все волновались, как же я буду строить отношения с мужчинами, а я думала совсем о другом.

Думала о том, как хорошо было бы иметь ещё одну руку — две причитающиеся по рождению были уже исколоты капельницами.

Думала, как хорошо было бы получить лекарства в более удобной форме — мне прописали мазать жирной салициловой мазью псориаз на волосистой части головы, и чтобы другие пациенты не видели мои жирные волосы, я ходила в шапке. Хорошо, что на дворе стоял февраль.

Думала о том, что ем, ведь мне первым делом вручили буклетик с диетой, судя по которому, следовало исключить чуть ли не половину рациона. В первую очередь я отказалась от сладкого и фастфуда.

Думала о том, что это теперь навсегда, и пыталась представить себе, как это — навсегда.

Думала о том, что тело оказалось гораздо умнее меня.

* * *

Сначала соблюдать диету было трудно, но потом я втянулась. Поняла, что чай и кофе без сахара гораздо вкуснее. А ещё постройнела и стала казаться себе более сильной — шутка ли, когда окружающие едят всё подряд, я держусь.

Так прошло месяца три-четыре. К тому моменту выяснилось, что псориаз не так-то прост, но я пока не знала о современных методах лечения. Из дневного стационара меня выпустили недолеченной, сказав мазаться гормональными мазями и пить антигистаминные препараты, пока бляшки не исчезнут до конца. Они не исчезали ни при каких обстоятельствах: кожа головы была стянута словно каской, и на руках пестрели пятна. Диета тоже не работала.

Это начинало раздражать: ради чего столько стараний? К чему эти ограничения? Однажды, устав после пар, я купила шоколадку и решила побаловать себя парой квадратиков. Не заметила, как съела всю и тем самым стала слабой.

В груди теснились всхлипы, будто меня кто-то обнял. Так, как этого не хватило когда-то в детстве.

* * *

Пришла весна — пора пикников, и мы с однокурсницами тоже на них поспешили. Сидя у костра и чувствуя рядом чужое тепло, я думала о том, что теперь быть замеченной не так уж опасно, как в детстве. Теперь и я другая, и люди вокруг другие, а потому можно строить свои отношения. Не те, что у родителей, а те, о которых я мечтала вечерами, стремясь надеждами во взрослость. Те, в которых можно доверять человеку, чувствовать любовь и любить в ответ.

Отношений очень хотелось. Они были у многих вокруг — ведь нам, хех, исполнилось уже по восемнадцать-девятнадцать! Они были у подруг и приятельниц, у тех, кто отвращал, почти у всех, только не у меня — и потому так манили.

Верилось, что с ними всё будет иначе. Из них можно получить недостающее и узнать, что такое счастье. Тогда получится обойтись без шоколадок. Тем более что, вернувшись к старому питанию, я от непривычки раздалась в боках и перестала себе нравиться. Но всё равно начала стрелять по сторонам взглядами. В ход пошли все: двадцатипятилетние айтишники, живущие с мамой; курсанты местной военной академии; липкие пикаперы...

Оказавшись в постели у подозрительного парня, который нравился мне лишь наполювину, и выслушав, что за этот месяц буду у него пятнадцатой, а потом узнав, что он не жалуется на презервативы, я заметила на стене икону. Иисус смотрел с ласковым снисхождением, как бы спрашивая: зачем ты здесь?

Я мысленно поблагодарила Иисуса и сказала уже вслух, что ничего не будет. Убрала с себя чужие руки, встала и неловко натянула чулки. Парень тащился за мной до самых дверей автобуса на остановке, желая знать, как так. Больше мы никогда не виделись.

Устроившись на заднем сиденье в углу и разблокировав экран смартфона, я увидела очередную лайк от того самого незнакомца.

* * *

Тот самый незнакомец с абракадаброй вместо имени и обычной русской фамилией лайкал меня уже не в первый раз. Только раньше аватарки у него не было, а теперь там появилась фотография высокого накачанного парня, который гладил по морде коня-тяжеловеса. Казалось, где-то мы уже виделись. Я не выдержала и спросила, долго ли он будет лайкать и молчать. Молчать он тут же перестал.

Оказалось, мы учимся в одном вузе — он на курс старше — и даже незримо пересекались в корпусе филфака. Данил давно наблюдал за мной и хотел познакомиться, но никак не мог найти повод. Теперь повод нашёлся: ему было совсем уныло, спортивная травма после неудачного жима ногами с весом триста килограммов заставила сесть дома. Он обещал: вот восстановлюсь и впредь буду осторожен. Не пропущу ни одной тренировки без веской причины, ведь это первый приоритет. Я его зауважала как ещё одного перфекциониста, душевного родственника.

Данил оказался серьёзным и в других вещах. Будучи на год старше меня, он не стремился вступать в отношения и планировал сделать первые последними, то есть завести семью. Семью следовало обеспечить, а для этого — рассуждал он — нужны деньги. Чтобы хорошо зарабатывать в будущем, Данил учился на программиста. «Вот, это уже другая планка», — думала я.

Беседа шла легко, и тем же вечером мы созвонились. Ему было интересно всё, что занимало меня: литература, история, философия, социальные проблемы. Стало понятно, что мы продолжим общаться. Переписки уже не так волновали, а ехать к малознакомому парню домой я бы больше не решилась. Мы ждали, пока Данил оправится, и все майские праздники провисели на телефоне. Домашний телефон был в коридоре, и до комнаты шнур не дотягивался. Родители уехали. Я притащила плед в прихожую и сидела там часами, до середины ночи, и разговаривала. Мы узнавали друг друга поразительно быстро, и нам это нравилось.

Наконец Данилу разрешили ходить без костылей, мы собрались увидеться. Одевшись красиво с самого утра, я поймала дозу комплиментов в университете, а затем, подёргиваясь, поехала в назначенное место. За две остановки до нужной Данил позвонил и раздражённо-удивлённым голосом сообщил, что у него проблемы:

«Тут ко мне дядя приехал. По-мужски поговорить надо. Давай в другой раз?»

Встревать в мужские разговоры я не собиралась...

Через несколько дней мы всё же увиделись. Не обращая внимания на катастрофический прыщ над губой, добродушный, улыбчивый и широкоплечий Данил басом сказал, что я чертовски красиво выгляжу. Земля ушла из-под ног в прямом смысле — он меня поднял на уровень своего почти двухметрового роста. Вместе со мной продолжала подниматься и планка.

Всё было так, как нравилось мне. Стандартные свидания с красной розочкой в кафе и с такси в конце сковывали и даже пугали. С Данилом мы просто зашли в торговый центр, купили там фруктов и воды, поехали гулять в лес. Сюрпризом стала машина — среди моих знакомых в девятнадцать лет никто не водил.

Отвозя меня домой после жаркой майской прогулки, Данил взял мою руку на светофоре и признался, что давно искал именно это ощущение. Я ответила, что тоже.

* * *

Всё развивалось стремительно, три главных слова прозвучали недели через две после встречи, и уже через пару месяцев я осмелилась на совсем уж близкий физический контакт. Я была у Данила первой, и он у меня тоже. Может, дело в физиологии, а может, в психологии, но мне было очень больно. Данил решил, что я играю роль или, как тогда говорили, ломаюсь,

и его это только забавляло. Глядя ему в глаза, я чувствовала, как тело становится сразу в двух смыслах слова чужим, и покорялась. Иначе с человеком, весившим в два раза больше меня, и не получилось бы.

Наверное, так и бывает с мужчинами — решила я затем. Может, так вообще происходит у всех, только об этом никто не рассказывает. Говорила же мама, что жизнь российской женщины тяжела и нужно уметь терпеть. А я так хотела быть взрослой...

Тем более что мама прекратила меня контролировать и разрешила приходить домой к десяти. Данил хоть и доставал из рюкзака огромные контейнеры с едой по расписанию, где бы ни настал момент, но не так уж фанател от зала, как мне до того представилось. Я списала это на влюблённость. Мы с ним всё чаще проводили время наедине у него дома, тем более что бабушка, с которой он жил, летом отдыхала за городом.

Я восхищалась им и не верила своему счастью. В нём было всё, чего так не хватало мне, особенно уверенность в себе, и хотелось ему во всём соответствовать. Однокурсницы удивлялись, как мне удалось отхватить такого парня. Я и сама не знала.

Сам Данил был уверен в своём праве на меня и всем хотел продемонстрировать: у нас серьёзные отношения. Как бы это ни было неудобно с такой разницей в росте, мы ходили даже не держась за руки — только в обнимку, и целовались при всех по его желанию. Когда мы сидели вдвоём в библиотеке, он часто лез ко мне в трусы, и я часто оказывалась замеченной в уже в неприятном контексте...

...а всё остальное время привыкала к тому, чтобы быть под наблюдением Данила. В первый раз мы повздорили из-за того, что я, забыв взять телефон в универ, задержалась после пар в другом районе и ходила по магазинам с мамой. Придя домой, я увидела много пропущенных звонков и сообщений. Мама удивилась тому, что парень мне достался ревнивый.

* * *

Наступило время первой летней практики: мы поехали в фольклорную экспедицию в один из южных районов Воронежской области. Данил попытался сделать вид, что ему жаль расставаться со мной даже ненадолго, но не смог скрыть свои подозрения о том, как, где и с кем я там буду. Я уверила его, что филфак — факультет женский, а информанты в экспедициях обычно пожилые, и он вроде бы успокоился. Данил воспринял это как необходимое зло, и в назначенное время я уехала.

Там открылся чудный новый мир, на который моё тело реагировало противоречиво. Собирая фольклор, за неделю на жаре под сорок градусов я так ни разу и не помылась, кроме как из тазика и в речке. Жили мы в здании детского сада и воду для мытья головы грели в единственном чайнике на двадцать человек, занимая друг за другом очередь.

Питание нам организовали в местном кафе, которое наверняка обрадовалось такому заказу и кормило нас тремя блюдами три раза в день. Завтрак — пара яиц, бутерброд с маслом и сыром, каша, чай; обед — суп, мясное второе и десерт с компотом; ну и приличный ужин со сладким напоследок.

Сытная еда пришлась кстати — мы много ходили по окрестным сёлам и сильно уставали. Но мне её было чересчур, тем более что местные жители тоже порывались нас кормить. Как-то раз перед самым финалом, придя на базу после посиделок у костра с местным поэтом, мы увидели на столе пирожные, которые раздобыла для нас руководительница практики. Кто-то с трудом изобразил радость, а кто-то всё-таки не смог, но все продолжили есть — и я с ними.

В тот вечер я уже не в первый раз повздорила с Данилом из-за того, что слишком поздно ответила на его сообщения. Иначе поступить бы и не получилось — я считала неправильным, провожая практику за столом со всеми вместе, пропадать в телефоне. Данил говорил, что волнуется о том, как я там, и я верила. Старалась не волновать его лишний раз, не рассказывая о внимании со стороны местных парней, которое, как я потом поняла, в экспедициях бывает

нередко. В экспедиции ездят не за этим, так что мы каждый вечер спешили вернуться на базу, закрыться и уснуть, чтобы завтра опять собирать материал. Данил со своей ревностью вряд ли поверил бы на слово и адресовал бы придирки мне.

Я этих придинок не хотела и решила, как говорили обычно женщины постарше, быть мудрее. Тем более что Данил, в общем-то, хотел быть ближе. Он часто говорил: «Если тебя задело то, что я сказал, подумай, правильно ли ты поняла смысл». Вот я и подумала: нужно постараться понять другого. Мы же взрослеем.

Из экспедиции я вернулась с хорошим загаром, багажом новых впечатлений и подругой. С Ритой мы подружились именно на той практике и потом держались вместе чуть ли не до конца магистратуры.

Приобретения случились не только приятные: приехав домой, я тут же из любопытства встала на весы. Узнала, что за неделю набрала три килограмма, и чуточку в себе разочаровалась, вспомнив, как ещё до того Данил с придирчивым взглядом щупал мои икры. Что ж, кормили нас действительно хорошо, но каждый день так лучше было не есть. Я решила к осени пойти в зал, чтобы соответствовать Данилу и держать себя в форме. Втайне мечтала заниматься с ним, но мы жили на разных концах большого города, и добираться было бы трудно.

Данил, выдохнув, быстро понял, что я в его распоряжении. Он надеялся, что мы больше не расстанемся. Ещё одно, уже совместное приключение в деревне нам всё же предстояло.

* * *

Скоро наступил день рождения моей бабушки, и мы с Данилом поехали туда на машине. Читая таблички, мимо которых мы проезжали, он смеялся и переделывал названия сёл на сексуальный лад, что утомляло. Казалось, его интересует только это, а я попросту волновалась перед тем, как познакомить его с кем-то из родственников.

Мама, сама ещё не видевшая Данила, говорила, что знакомство с бабушкой — это важно. Если расстаться с парнем после знакомства с родителями и потом закрутить отношения с новым ещё допустимо, то бабушку так волновать нельзя. Данил уже настроился на поездку, и отменить её было трудно. Меня словно толкнули в спину наверх скользкой горки.

Сам Данил нисколько не волновался. Хотя он всегда так упорно разузнавал, что я делаю в конкретный момент, по его лицу никогда не было видно, уязвлён ли он чем-то. За всё время, проведённое с ним, я ни разу не увидела, как он по-настоящему беспокоится. Злитесь или грустит — тоже. Изредка по его лицу скользила тень презрения или похоти, а смех был таким же каменным и тяжёлым, как он сам.

Здесь-то я и видела его силу. Если меня выражение лица всегда сдавало с потрохами, то Данил, какие бы обороты ни принимала ситуация, был непроницаем и спокоен. Он умел контролировать себя — этому я и хотела научиться у него. Казалось, Данил, в отличие от меня, несуразного меланхолика, живёт гораздо легче — и с новыми людьми тоже знакомится легко. Бабушка, прабабушка и крёстный с первых же минут полюбили его и только радовались тому, что такой человек приблизился к нашей семье.

Угостившись, мы с Данилом пошли гулять по деревне. Там я провела много времени в детстве, там писала дурацкие первые повести. Теперь, после экспедиции, я видела это место совершенно новым, чудным и историчным и решила показать его Данилу. Он остался равнодушным и застыл у речки, глядя в никуда. Возвращаясь, задержался у соседского куста, интересуясь тем, что это такое растёт, и стал срывать ягоды.

Мы снова повздорили, и, вернувшись в дом, Данил завёл с родственниками разговор о моём характере. У них хорошо получилось найти общий язык. К концу застолья, хоть Данил и не пил, в него полетели фразы «наш ты человек, не то что Женька». Я за всю жизнь привыкла быть для них не тем человеком, но это слышала впервые. Данил для всех, на кого нужно было произвести впечатление, оказывался своим, и показывал зубы лишь наедине.

Свой человек не захотел ночевать в деревне, и к ночи мы вернулись в город, где остались наедине у Данила дома. Сексуальный настрой он решил пустить в ход, очередным каменным разговором добившись того, чего я никогда не хотела. Это принесло только боль, в которой я потом засыпала, чувствуя себя никакой и ничьей. Чудилось ещё в полусне, как шепчет на ухо крёстный: «Хороший он. Береги его».

* * *

В тот день я окончательно поняла, что Данилу почти невозможно противоречить, но не получала прямых запретов и по привычке жила как раньше. Готовилась ко второму учебному году в университете, общалась с давними приятельницами по переписке и собиралась пойти в зал. Данил же, получив подтверждение того, что у меня плохой характер, уверялся в этом на собственном опыте. Ему было интересно всё: куда и когда я иду, почему сделала именно такой выбор.

Я радостно выгуливала яркие платья и каждый раз натывалась на недовольный взгляд Данила. Он очень хотел знать, для кого я их надеваю, и ответ «для себя» его не устраивал, адресатом моего хорошего настроения всегда должен был значиться кто-нибудь другой. Постепенно платья перекочевали ко мне в сумку — Данил настойчиво предлагал мне брать их с собой к нему в гости и носить дома, а по улице идти в джинсах. Я так и делала, не зная, встречу ли Данила внезапно в универе, одевшись не так, как нужно, и не начнётся ли очередное прилюдное выяснение.

Данил посещал одну дисциплину в нашем корпусе университета, и мы нередко виделись на переменах. Время за поцелуями на публику пролетало быстро, и я не успевала поесть и сходить в туалет. Если Данил был в другом корпусе, он звонил, и в ответ на мои возмущения говорил уже не просто о плохом характере, а о проблемах с психикой. Я, вспоминая периоды погружения в мутную воду и ощущения себя никем, молчаливо с этим соглашалась. Данил знал, что говорит, и знал, куда давить, а я никогда не видела другой любви.

Начав ходить в зал, я сконцентрировалась на теле и успокоилась. Исключила фастфуд, стала есть больше мяса и молочных продуктов и три раза в неделю ходила на тренировки. Данил, как ни странно, этого не поощрял и моими успехами не интересовался, больше того, сам почти забросил зал и говорил, что всё это из-за отношений.

Я же, любительница всяческих оценок и цифр, измеримыми результатами очень увлеклась. Росли веса, появлялись мои личные, никому неведомые ритуалы. Если я приходила в зал, становилась на беговую дорожку и живот был виден мне из-за небольшой груди, я бегала перед силовыми упражнениями на полчаса больше — каждую тренировку, пока наконец не худела.

Данил вторил внутреннему голосу после тренировок и наблюдал за тем, сколько я ем. Двести граммов творога казались ему слишком большой порцией для девятнадцатилетней девушки. Я не обращала внимания на его придирки, ведь ела столько, сколько просил желудок. Тем более что мышцы окрепли и жир ушёл — появилось чем в себе восхищаться. Хотелось восхищаться собой всё больше и больше, и перфекционизм разгорелся на полную мощность. Я тренировалась утром натошак, зарабатывала растяжения и с трудом спускалась по лестницам, лишь бы стать красивее и сильнее. Казалось, это защитит.

* * *

Разногласия по поводу одежды понемногу перетекали и в зал. Будучи на другом конце города, Данил всё равно интересовался, во что я одеваюсь на тренировках. Узнав, что в обтягивающие спортивные штаны — именно в таких удобно было бегать и выполнять силовые упражнения, занимаясь индивидуально и в группах, — Данил сказал, что мне нужна новая одежда. Мы пошли в магазин и купили более свободную, такую, чтобы моя совершенно обычная фигура не привлекала в ней внимания. Правда, двигаться было совершенно неудобно.

Происходящее меня не радовало. Я чувствовала себя связанной по рукам и ногам, ведь хотела сделать первые отношения единственными на всю жизнь, а предпочтения Данила оказались абсурдными. «Может, мы ещё найдём общий язык», — думала я и искала пути.

Шаги, после которых я считала неизбежным брак, мы давно уже сделали. Ломать всё было нельзя, оставалось работать с тем, что есть. Я решила вести себя мягче и одновременно хитрее, выполнять требования Данила и найти в них удобную, нормальную зону. Хочет свободные штаны — купим, на всякий случай буду носить в сумке и те и другие. Вряд ли он узнает, в каких именно я на пару часов забегу в зал.

Вот только дело оказалось совсем не в штанах — в одежде, которую выбрал Данил, были открыты ключицы, и ему это нравилось. Там частенько красовались кровавые засосы. Как-то раз мы с мамой пошли в зал вместе. Мерещилось, что Данил за мной каким-то образом следит. Я надела «его» одежду, чтобы быть окончательно честной, и забыла про ключицы, чем вызвала закономерные вопросы.

Пришлось свести всё в шутку, но надолго не получилось. Мама всё-таки взволновалась и спросила, уверена ли я, что смогу мириться с причудами Данила в длительных отношениях. «В браке все недостатки удесятерятся», — сказала она. — Вытерпишь?». «Наверное», — ответила я и пожала плечами, потому что открыться не могла никому.

Чтобы чаще радовать себя видом любимого объекта, Данил засосы ещё и фотографировал. Некоторые снимки я не успела удалить со своего ноутбука. Пользуясь им, их увидел отец, и разгорелся конфликт. Отец хотел знать, в чём дело, а я разозлилась на то, что ему не всё равно. «Всё под контролем», — думала я. — Он просто не хочет терять влияние на меня и ревнует, не понимая, что сама разберусь».

Попытка поставить на ноутбук пароль оказалась безуспешной — отец считал, что я не имею права скрывать что-либо от родителей. В небольшом скандале я оделась во что попало под руку, схватила ноутбук и сбежала на улицу. Донеслась до автобусной остановки и села в первый же автобус, рассчитывая потом пересесть и добраться до Данила. У всех были свои требования — а его требования я хотя бы выбрала сама.

Пока автобус мчался на другой конец города, отец писал мне сообщения с угрозами. Я рассказала обо всём Данилу, и тот уверил меня: разберёмся. В итоге мы встретились втроём в парке недалеко от его дома, отдали отцу ноутбук, сняв с него пароль, и помирились. Отец впервые увидел Данила до официального знакомства и, похоже, принял его как сильного — такие ситуации больше не повторялись.

А ходить в зал я скоро перестала. Сначала сузился круг упражнений, которые Данил терпел даже в «его» одежде, затем начались выяснения отношений перед каждой тренировкой. Проще было отказаться от себя сильной и искать удобную зону где-нибудь в другом месте. Я продолжала искать её на учёбе... и в интернете.

* * *

Проводить время в интернете я любила с подросткового возраста. Там я читала книги, слушала музыку, играла в словесные ролевые игры и даже — ещё в четырнадцать лет — основала свою. Отвлекаясь на отношения с Данилом, я её подзабросила, передав обязанности следующим по старшинству админам, но переписываться с активным кругом игроков мы всё же продолжали.

Читая о том, как живут другие, я делилась своими историями в ответ и много шутила. Ревность со стороны Данила тоже считалась поводом для шуток, а ещё признаком настоящего мужика. Если так, то маскулинность Данила становилась всё крепче и крепче, потому что ревность проникала даже в интернет.

Началось всё со списка друзей — сначала оттуда исчезли парни, с которыми я когда-то гуляла, забросив переписку после знакомства с Данилом. Потом бывшие одноклассники и

одногогруппники: если у тебя есть я, зачем они тут? Дальше дело дошло до знакомых девушек, которые чем-то не нравились Данилу: неправильным образом жизни, внешностью или речью. Следом улетели двоюродные братья. Список становился всё короче и короче, пока в нём не остался один Данил.

Такая же чистка произошла и в подписках — от развлекательных до научных. Остались только университетские закрытые сообщества, но потом я попрощалась и с ними, потому что однокурсницы имели неосторожность выругаться. Данил был настолько эмоционально стабильным, что не матерился. Но пиво, за которое осудил одну из моих интернет-подруг по ролевой, иногда всё-таки пил.

Ролевую я выдала за забытую детскую забаву, на которую нет больше времени, и Данил поверил. Стала сидеть там с фейкового аккаунта под придуманным именем и теперь уже, придумав кодовые слова, понятные только участникам разговоров, шутила про ревность Данила гораздо больше.

Мой реальный аккаунт походил на фейковый не меньше, ведь оттуда исчезли и фотографии, кроме одинокой картинке — её Данил выбрал сам. Оставались личные сообщения, куда он тоже скоро проник. Тем вечером я насильно сидела у него на коленях, пока он читал переписку, которую я не успела удалить, и объясняла, объясняла, объясняла...

Хотелось уже закончить объяснять, уехать домой и зайти на фейк, где весело было дурачки шутить и фантазировать обо всём, не рассуждая о том, полезно это или нет. Данил, как человек пользы, руководствовался именно ей и сносил всё, что не соответствовало. Так в сообщениях остался лишь диалог с Данилом и чат нашего курса. Чат тоже скоро исчез — вели бесполезные беседы вперемешку с руганью и там, а мне, по мнению Данила, стоило быть выше этого.

Теперь я приходила на пары, не зная, что они отменены, и худшие вопросы на семинарах всегда доставались мне. Однокурсницы, которых я так любила, жили, смеялись, обменивались новостями и планами за белёсой пеленой. Как-то раз заговорив с одной из них о том, почему все удалены из друзей, я так и не смогла ничего объяснить — так абсурдно это звучало.

Абсурдными казались любые претензии к Данилу, — он ведь повёл себя симметрично, дав мне свои пароли взамен. Заставил даже войти в его аккаунт и посмотреть, что там. Я сказала, что мне неинтересно чужое личное пространство, и ни разу не зашла туда потом, а он в мой заходил регулярно. Иногда Данил читал сообщения от подруги, той самой Риты из экспедиции, раньше меня и удалял их, ничего не сказав. То же происходило с любыми лайками к единственной картинке из профиля, в том числе от спамеров.

Так меня настоящей не стало даже в интернете.

* * *

Учёба отошла на второй план. Преподаватели нашего тесного филфака пытались выяснить, что случилось, но ничего не добились. Я продолжала выполнять всё, что могла: училась на отлично, получала хорошие дополнительные стипендии, участвовала в конференциях и публиковалась в сборниках, урывками волонтерила.

Это было внешним и, как считал Данил, временным. Моей целью был он — так же, как и его целью была я. Но стало ясно, что найти с Данилом общий язык невозможно. Можно было лишь выучить его язык и привыкнуть к тому, чтобы на нём говорить, а заодно забыть свой язык — язык спонтанности, фантазий, эмоций. Стать камнем, чтобы не казались такими болезненными удары осколков каменной стены. Бесконечно твёрдым, идеальным, сильным камнем — я всегда мечтала им стать.

Если бы я стала такой в детстве, и там всё сложилось бы по-другому. Если бы я стала такой вместе с Данилом, было бы комфортнее и с ним. Тогда бы получилось построить те самые

отношения с первого раза, а я кто? Истеричка — пользовалась я в мыслях привычным для Данила словом, которым он называл всех, кто открыто проявляет эмоции.

Слушая претензии, сдерживать себя удавалось с трудом. Забыв про зал, я вернулась к джанкфуду, и порой мы смотрели сериалы, деля пачку чипсов на двоих. Наставал момент, когда Данил говорил, что мне хватит. Потом трепал меня за икры и комментировал: немаленькие. Вес оставался прежним — пятьдесят пять килограммов при росте метр шестьдесят пять, — но своё тело нравилось уже меньше. Так что я прекрасно понимала Данила, который тоже разочаровался в себе и забросил тренировки.

Чем хуже было его настроение, тем чаще в воздухе витали претензии. К тому, как я готовлю и делаю уборку в его квартире, где была гостьей. К тому, как я разговариваю с ним и смотрю на него. Выполнение требований считалось за норму, совсем как в детстве. Мой отказ от личных стремлений не вызывал у Данила радости, и однажды я решила, что пора бы выслушивать претензии не просто так.

Заручившись поддержкой его бабушки, я решила собрать документы для учёбы по обмену, куда меня давно хотели отправить с кафедры. Половину документов я в итоге не получила, потому что отвлечь Данила во второй раз не получилось. Уезжать в другую страну на полгода было непозволительно. Провал номер один.

Заинтересовавшись курсами лингвокриминалистики, я узнала всё о них и всё же не записалась. Возвращаться с занятий пришлось бы к девяти вечера. Слишком мало времени осталось бы для Данила. Провал номер два.

На диалектологическую практику, собирать говоры в деревне, после второго курса не поехал никто по организационным причинам. Проверить, могу ли я туда вырваться, так и не удалось. Провал номер три.

Я чуть не выдала очередной фейк — сглупила, создав его с сим-карты, которую купил Данил. Почти провал номер четыре.

Провал номер пять — слишком мало секса и слишком мало изображаемого удовольствия от него. Казалось, что мной мастурбируют и я каждый такой раз просто тело.

Слишком много провалов привели к тому, что Данил ввёл счётчик ударов и за каждую провинность теперь надбавлял нужное количество, чтобы потом выдать мне их по ягодцам, бедрам, спине тяжёлым ремнём с пряжкой. Тело горело, и порой в ответ на мои крики соседи тактично стучали по батарее.

* * *

Кольцо требований сужалось, становился всё теснее круг общения. Через два года с начала отношений всё пришло к тому, что говорить с людьми наедине получалось только в реальности. И то я волновалась, не выйдет ли из-за угла Данил. А вдруг собеседник, не зная ситуации, решит продолжить беседу в личке?.. Так что лучше было не заводить бесед.

Рита была в курсе всего, что происходит, в том числе инспекции личных сообщений. Узнала об этом и Кристина, вторая админка словесной ролевой — с ней мы переписывались в общем закрытом аккаунте и после каждого сеанса удаляли сообщения.

Что бы ни происходило, Рита и Кристина были на связи и пытались хоть и мягко, но достучаться до меня. Я слышала их стук, но никак не могла отпереть дверь изнутри. Всё думала: однажды мы с Данилом найдём общий язык и останемся при этом сами собой. У нас обоих непростые характеры. Мы оба упрямые. Но здесь же и плюс: для упрямых нет ничего невозможного.

В двадцать лет моё упрямство следовало умножить ещё и на импульсивность. Одним зимним днём мы с Данилом шли по наземному пешеходному переходу, и он меня за что-то отчитывал. В такие моменты я улетала мыслями куда-то далеко, чтобы не сказать нечаянно, что думаю на самом деле, и не увеличить тем самым число на счётчике ударов.

Данил хотел добиться повиновения, а я не хотела его давать. Смотрела вперёд и видела, что переход пуст. Пуста лестница вниз и тротуар, а ещё к ближайшей остановке подъезжает маршрутка. Если я прямо сейчас рвану с места, то успею на неё сесть. «Деньги на проезд ещё остались, эта маршрутка поворачивает не туда через две остановки, на следующей пересеяду», — обрывками думала я, пока бежала. Места для мыслей о Даниле не оставалось.

Успела! Двери захлопнулись прямо за моей спиной. Не хватило духу посмотреть назад и узнать, гнался ли следом Данил. Посмотреть, не пишет ли он сообщения, тоже не хотелось. Я впервые за два года почувствовала себя по-настоящему плохой, но правой. Чутьочку прежней и настоящей.

На фоне претензий Данила оставалась лишь малая доля уверенности в том, что он не прав. Верить в это сильнее было трудно — казалось, Данил получит доступ ко всему чему угодно, даже к мыслям в моей голове, и заведёт о них многочасовой разговор, когда пожелает. Хотя в три часа ночи накануне экзамена, как он любит.

Теперь внутри что-то лопнуло: я всё это время слепо слушалась тирана. Что мешало в самом начале сказать нет, уйти и никогда не заглядывать в переписку, а вживую игнорировать? Только ощущение собственной неправоты. Неуверенность в себе. Ощущение, что моё слово ничего не стоит. Несуществование.

Общение с Данилом лишь подталкивало вперёд мысли об этом, и я не заглядывала в телефон до самого дома, чтобы не передумать. А дома, уверенная в том, что больше не вернусь, заглянула и оцепенела, теряя чувство себя. Данил писал, что я совершила глупость. Что я больше никому не нужна с таким характером, поведением и здоровьем. Озвучивал мои мысли, которые я так старалась загнать глубже, уезжая, — и не смогла.

Через два дня я вернулась к Данилу, но к привычке его во всём слушать уже не возвращалась.

* * *

Любимые дела и старые мечты давно заждались. Я прошла педпрактику в школе, получив чудесный десятый класс. Снова занялась волонтерством и как-то раз принимала участие одной из олимпиад для школьников в нашем университете. В тот день я разговорилась с мужчиной, ждавшим сына в коридоре. Сработал эффект попутчика, и за неполный час мы, студентка третьего курса филфака и инженер, пересказали друг другу каждый свою жизнь в миниатюре.

Под занавес собеседник спросил, что для меня важнее, определённый жизненный порядок или свобода. Я призадумалась и не смогла ответить. Он не отступал: должно же быть что-то из этого важнее. Пришлось снова мысленно взглянуть туда, куда не смотрела уже года два.

Данил олицетворял порядок, но всё вокруг твердило о том, что этот порядок не мой. Даже тело кричало: границы есть, а того, что за ними, я не перевариваю — разбушевался псориаз и начались проблемы с кишечником. Я стала плохо спать и чаще нервничать. Хотелось свободы, чтобы определить свой порядок и вздохнуть спокойно. Говорить об этом с Данилом не было смысла. Был смысл делать конкретные шаги.

Отложив деньги с дополнительных стипендий, я записалась на курсы лингвокриминалистики. Начала добавлять интересных людей в друзья, общаться с ними и вести соцсети. Стала носить платья, не обращая внимания на счётчик ударов, а когда приходило время их выдавать, закатывала такой скандал, что Данил пасовал и откладывал расплату.

Дальше ему стало ещё непривычнее: я узнала, что на кафедре есть вакансия лаборанта, и собрала документы, чтобы устроиться на работу. Пока ждала справку об отсутствии судимости, уехала в диалектологическую экспедицию с курсом помладше, заговорами для диплома. Экспедиция принесла новых приятельниц и приятелей.

Претензии чудным образом стихли, а Данил даже повеселел. Мы продолжали ссориться, но уже на другом уровне. Теперь я готовила себе у него дома сумасшедшие жирные блюда и ела сколько хотела. Часами читала книги, которые он не одобрял, и готовилась к следующей экспедиции, уже одиночной.

Читая новости, я наткнулась на историю Сергея, жителя Воронежской области, который передвигался на коляске и, чтобы помочь родному селу, стал изучать его историю. Возникла мысль: почему бы не изучить и говор? Я быстро нашла Сергея в соцсетях. Мы пообщались и тут же решили действовать — обговорили всё с администрацией и нашли жильё. Я запихнула в сумку самые необходимые вещи и пять коробок конфет на подарки, хотя следовало бы больше. Дальше мы с отцом помчались за двести километров на юг, сверяясь с незнакомыми названиями на карте.

Отец высадил меня у дома Сергея и уехал. А я включила диктофон и слушала, слушала, слушала... Взобралась на меловую гору и посмотрела на село сверху. Спустившись, удивила местных алкоголиков, которые сразу же распознали во мне городскую. Вклинилась на собрание в местном доме культуры по поводу интернета — отличный шанс заполучить как можно больше информантов. Смеялась над местными прозвищами. Покупала мороженое детям. Делала закрутки с женщиной, у которой довелось жить: после инсульта у неё работала лишь половина тела. Изучала говор, смотря с ней мыльные оперы по телику, и так углублялась, что не хотелось выходить к другим людям. Выходя, убегала от соседских гусей у ворот. Обьедалась борщами. Познакомилась с Михаилом, двухметровым усадым мужчиной, пригласившим меня на годовщину свадьбы. Поела там арбуз так, что по коленям текло, и приехала обратно на небесно-голубом москвиче.

Наутро и затем ещё несколько дней подряд видела новые и новые сёла, дворы, людей и слышала признания в том, что я безбашенная. В ответ думала, что я обычная, просто боюсь возвращаться домой и искать общий язык с Данилом, но всё-таки попробую: вдруг поймёт?

Обратно я приехала вместе с семьёй Михаила. Привезла с собой трёхлитровку мёда, сушёные травы, по ящичку огурцов и помидоров, ненадолго изменившийся говор и себя настоящую.

* * *

Казалось, мы нашли компромисс, и Данил ослабил хватку. Даже на новую работу он позвонил лишь раз за первый день, к самому концу, а потом утих. Мы много ходили по магазинам и вели себя наравне, а скоро решили съехаться.

Это ощущалось как второе дыхание, но Данил чувствовал по-другому. Скоро он сказал, что я веду себя уже слишком, и предложил расстаться. Как и в шестнадцать лет, меня захлестнуло мутной водой: всё действительно кончится так глупо, за секунду до точки равновесия? Глупо и безрезультатно было просить Данила остаться вместе.

Вернувшись домой, я наконец поняла, что свободна. В этой свободе была и пустота — но где же иначе строить свой, новый порядок?.. Не хватило времени даже заложить фундамент. Через неделю Данил сообщил, что хочет попробовать заново. Я не увидела другого выхода.

Вскоре наступил его день рождения, который всегда отмечали на даче с семьёй и друзьями по соседству. Жаря шашлык, Данил, как и всегда, меня отчитывал. Его дядя, стоявший рядом, пошутил, что я заслуживаю памятника за терпение. Я, наконец замеченная, расхохоталась. Вот только хорошо было терпеть всё это время или плохо?

Когда мы всё приготовили, приехала крёстная Данила — она никогда меня не видела и не знала моего имени, хоть и знала, что я есть. Войдя, она застала всех за столом. Данил по очереди представил ей тех, кого она не знала, из друзей и соседей. Дойдя до меня, он сделал вид, что на моём месте никто не сидит. Сердце пропустило удар, и я взялась за бокал, чтобы

сглотнуть ком в горле. Сделала вид, что ничего не произошло, и познакомилась с крёстной сама. Выдался уютный вечер в семье, с которой наступило время прощаться.

К ночи мы с Данилом остались наедине в комнате, и тогда я осмелилась существовать. Высказала всё, что думаю, и в предвкушении завтрашнего дня крепко уснула. Назавтра обняла его в последний раз.

На счётчике оставалось шестьсот с лишним невыданных ударов. Данил вдогонку писал, что я никогда не найду такого парня, как он. Я благодарила за это бога и тосковала по яркой девушке, которой была ещё два года назад. Потом две недели грустила, лёжа в тишине. Думала о том, как легко ушла — наверное, он ещё не оперился, — и надеялась: будет лучше. А затем встала и взялась за дело.

Глава 3. Лёгкость, которая давит

2016

Окрылённая, я летала по городу и верила, что кто-нибудь увидит меня прежней. В ответ мир дал мне человека, который смог это сделать. Ну или хотя бы попытался.

Тем воскресным октябрьским вечером я волонтёрила на филологическом квесте в одном из университетских корпусов. Ученики школ выполняли задания в командах под руководством капитанов-студентов. Мы с командой семиклассников победили, а потом мило пообщались на кафедре с их учительницей. Счастливая и усталая, я сдала ключи охране, вышла на мокрую от дождя улицу и зажмурилась, чтобы не слепили глаза отражённые в лужах городские огни. А потом забилась поглубже в маршрутку, на заднее сиденье, чтобы никто не мог достать до самой конечной, и по привычке разблокировала экран телефона — наверняка меня за целый день заждался интернет. А там — опять «привет» от незнакомца. Его звали Вадим.

Следом Вадим признался: он так и не придумал, что именно написать, но понимал, что написать нужно. После каменной подозрительности Данила меня радовали эти его воздушная лёгкость и спонтанность, которые множились и дальше.

Вадим был на четыре года старше меня и учился в медицинском. Воздушная лёгкость и спонтанность в этом мешали — он уже не раз отчислялся, но теперь верил, что доведёт дело до конца. А ещё он, как и я, искал родную душу и в её поисках набрёл на мою страницу в соцсети.

Мы переписывались несколько дней, а потом решили погулять. Вадим назначил встречу недалеко от корпуса филфака, возле памятника Пушкину. Подойдя, я увидела худого парня с большими, чуточку грустными глазами, лежащего на скамейке — в октябре-то, — и рассмеялась. Воздушная лёгкость и шутки заполнили собой главный проспект города, по которому мы шли в макдак. Там я застеснялась, заказала себе молочный коктейль и пила его до вечера. Вадим, видимо, для симметрии, сделал то же самое. Спонтанность к концу вечера передалась и мне через тёплый первый поцелуй. Я зашла с холодной улицы домой окончательно влюблённая. Новая жизнь после каменной хватки Данила всё-таки существовала.

* * *

«Не знаю, — признавался Вадим, когда мы говорили о будущем. — Живу одним днём. Сейчас всё круто, а там посмотрим». Внутри что-то царапало, но... «Лишь бы не давил», — думала я, вспоминая пережитое. Мы вкратце рассказали друг другу о своём прошлом, и Вадим пообещал сделать кулон с птицей, которая воспаряет в небо, разрывая на груди цепи. Подобными вещами занимался его друг. Правда, кулон он в итоге не сделал — видимо, это было обычное сладкое обещание мужчины на пороге отношений. Впрочем, неважно, хорошо уже то, что он так подумал.

Вадим стал первым после родителей, кому я рассказала о деперсонализации и дереализации. Его нетипичный для будущего медика ответ сбил с толку: он сказал, что восточные мудрецы добиваются этого состояния долгие годы, а мне оно дано просто так. Сюда же Вадим относил мою тягу к вегетарианству. Её я тогда не реализовала, хотя трогать мёртвые тела животных было не легче, чем раньше. Вадим говорил, что вряд ли когда-нибудь реализует свою тягу — недостаточно воли.

Зато у него, в отличие от меня, было предостаточно лёгкости. Он часто играл на гитаре специально для меня, рассказывал интересные истории и выдумывал нежные прозвища. Я радовалась, забывая всё, когда мы с Вадимом бродили по угрюмым улицам и задворкам. Уставая, заходили к нему домой, захватив сет роллов в ближайшем кафе, и с радостью их поедали.

Раздавшись в боках, я заволновалась, а Вадим, как медик, напомнил: «Жир — это депо эстрогена. В норме у женщины должен быть жир». Меня это не утешало — уже тогда хотелось его искоренить.

Вадим говорил, что псориаз, наверное, дан мне затем, чтобы не быть идеальной и не возгордиться. Я нравилась Вадиму, нравилась себе в его глазах и удивлялась этому. Он спрашивал, кто вбил мне в голову это чувство собственной неполноценности. Я знала кто, и этого человека уже не было в моей жизни. А мысли остались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.